

Меерович Марк Григорьевич

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Meerovich Mark

Irkutsk National Research Technical University

ЧЕЛОВЕК И МИКРОРАЙОН: ИСТОРИЯ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ В СССР A MAN AND A MICRODISTRICT: HISTORY OF KHRUSHCHEV REFORMS IN THE USSR

Работа является продолжением дискуссии, открытой статьей Репиной Е. А., Рыбаковой Д. И. «Человек и микрорайон: проблематика», опубликованной в № 2 настоящего журнала. Предыдущая статья ставила вопросы. Эта – отвечает на основные из них.

This article follows the discussion opened by Repina E. A., Rybakova D. I. «Man and microdistrict: problems», published in No. 2 of this journal. The previous paper raised the issues, whereas the present paper gives answers to the main questions.

Ключевые слова: микрорайон, квартал, советское жилище, хрущевская реформа, панельная застройка, «хрущевка», типовая серия

Keywords: microdistrict, quarter, Soviet dwelling, Khrushchev's reforms, panel building, «khrushchevka», a standard serie

Статья Репиной и Рыбаковой [1] открывает дискуссию по важнейшей теме последнего столетия в архитектуре и градостроительстве – целесообразность архитектурно-градостроительной стратегии в политике государственной власти по осуществлению типового проектирования и строительства. Она актуальна, как в отношении идеологии массового жилища, возводимого на средства государства, так и в отношении формирования конкретных планировочных структур поселений.

Статья начинается с абсолютно верного утверждения о том, что «рассмотрение истории возникновения типовой застройки необходимо начинать, в первую очередь, с выявления причин»: а) политических, б) идеологических, в) исторической преемственности. Первый вопрос авторов статьи: для кого предназначалось массово возводимое типовое жильё [1].

Ответ на него в истории СССР лежит на поверхности – для тех, кто обитал коммунально, в неблагоустроенном жилище. А таких насчитывалось более чем две трети населения страны.

К началу хрущевской реформы государственный жилой фонд на 70% представлял собой одно- и двухэтажные дома. Причём половина этого фонда представляла собой неблагоустроенные дома временного типа (деревянные, глинобитные, саманные, рубленые, каркасно-засыпные и проч.). За исключением Москвы и Ленинграда, водопроводом было оборудовано 49 % всей жилой площади государственного жилищного фонда, канализацией – 45 %, центральным отоплением – 32 %, газом – 22 %, ваннами и душами – 18 %. В СССР

435 городов вообще не имели водопровода и 980 городов были лишены канализации. При этом благоустройство ведомственного жилищного фонда было еще ниже, чем благоустройство фонда местных советов. 24,6 тыс. жилых домов (площадью около 3 млн. кв. м.) находилось в аварийном состоянии: по РСФСР износ жилых домов местных Советов составлял около 30 %, по УССР – 20 %, БССР – 15 %. В таком же состоянии находился жилищный фонд и в других республиках [9].

Второй вопрос: почему в системе типовой застройки не учитывались личностные особенности того или иного индивида [1]. Потому что государственная система проектного дела в СССР строилась на принципиально иных идеологических основаниях, чем западная, которая, как и в дореволюционной России, в качестве заказчика имела конкретную персону. Советская же базировалась на: а) исключении частной собственности на землю и недвижимость; б) формировании системы принудительного управления жизнью и деятельностью людей; в) децентрализованном территориальном размещении урбанизированных ядер концентрации промышленности и селитебных образований, в которых размещалось обслуживающее производство население; г) примате государственно-ведомственной формы собственности на жилище, д) организационно-управленческом и витальном обустройстве трудовых ресурсов и т.п. [3, 4].

Ключевым пунктом в этой модели являлась замена прежнего «субъекта» архитектурного заказа на принципиально иного. Если в дореволюционный период основным элементом общества был

гражданин, его семья, автономное домохозяйство, то теперь вместо этой «единицы», советская власть формировала инновационную монаду нового общества – «трудо-бытовой коллектив». Трудо-бытовой коллектив – это целенаправленное объединение тех, кто вместе не только в производственно-управленческом отношении, но и в территориально-бытовом – «вместе работаем, вместе живем», «от станка до пиджака». Это – социально однородная, зависимая, контролируемая, управляемая производительная единица, организующая прикрепленные к месту труда и месту жительства трудовые ресурсы; в ней за счет тесного переплетения трудовых и бытовых процессов должны были обеспечиваться взаимовлияние и взаимная корректировка норм бытового поведения людей и характера их отношения к труду. Трудо-бытовой коллектив – это группа трудящихся и членов из семей, скрепленная трудовым законодательством, пропиской, «общественными» организациями и пр., в том числе полной зависимостью от администрации места приложения труда в отношении обретения крыши над головой.

Данная доктрина и является исчерпывающим разъяснением причин почти полного исключения каких-либо личных предпочтений при проектировании и строительстве жилища, которое в СССР: 1) возводилось по заданию государственно-ведомственного заказчика, 2) обеспечивалось денежными, материальными и трудовыми ресурсами из общегосударственных фондов, 3) нормировалось на основе общегосударственных стандартов, 4) находилось в ведомственно-государственной собственности.

Следует оговориться, что в период 1919-1924 гг. из этой модели несколько выбивалась советская жилищная кооперация, позволявшая себе самостоятельно аккумулировать средства населения и, используя возникшие в период НЭП рыночные возможности, возводить те типы жилья, которые предпочитали иметь члены кооперативов, а не те, которые предписывались государственными органами. То есть, строить отдельно стоящие дома – на одну семью, с приусадебными участками ... Но после реформы ее организационной структуры в 1924 г., жилищная кооперация была приведена в полное соответствие с описанной выше схемой государственного управления [5].

Существовало и еще одно исключение – советская власть, несмотря на заверения населения в базовых идеологических принципах равенства, братства и гомогенности советского общества, безмерно поощряла тех, кто самоотверженно служил ей. В том числе поощряла и правом иметь собственное автономное жилище – примерно 2-3 % нового строительства в рабочих поселках-новостройках и соцгородах-новостройках представляли собой обособленные коттеджи для высшего городского и областного начальства. В отношении их планировки временные собственники¹ получали возможность диктовать свои предпочтения и получать во временное пользование тот тип домостроения, который желали. Так, например, особняк, в котором жил, начиная с 1930 г., директор Магнитогорского металлургического комбината А.П. Завенягин с семьей, представлял собой трехэтажный 14-комнатный коттедж, в котором размещались бильярдная, музыкальный салон, игровая для детей, кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом – сад...

При этом, массовая типовая застройка представляла собой бараки, а также деревянные неблагоустроенные двухэтажные 8 и 16 квартирные дома коммунального заселения по принципу компактного размещения трудо-бытовых коллективов [2, 3]. 85-90% первостроителей соцгородов-новостроек обитало именно в таком жилище.

Личностные особенности того или иного индивида потому и не учитывались в системе массовой типовой застройки, что их попросту не могло существовать в подобной организационно-управленческой и расселенческой модели – они замещались коллективными предпочтениями и групповыми интересами.

А что учитывалось? – спрашивают авторы статьи [1]. Все, что учитывалось – к персональным, личным потребностям людей никакого отношения не имело. Учитывалась потребность в количестве трудовых ресурсов на стройках, из нее через коэффициент семейности выводилось количество населения. Учитывался предписанный Госпланом лимит стоимости 1 кв. м. (а он, в очередной раз сниженный с началом первой пятилетки, позволял проектировать и строить только бараки). Учитывался объем материальных фондов, выделяемых через ведомства на жилищное

¹ Временные потому что они точно так же, как и все прочие, могли впасть в немилость и после увольнения обязаны были освободить жилище

строительство, после 1929 г. законодательно превращенное во вторичное в сравнении с промышленным. Учитывался обязательный принцип коммунального (в лучшем случае – покомнатно-посемейного) заселения новостроек. И тому подобное.

Утверждение авторов статьи о том, что «на примере архитектуры хрущевского времени можно сказать, что преобладающую роль играла идеология» [1], – представляется сомнительным. Идеология в хрущевских реформах, безусловно, присутствовала, как и в любой массовой программе, осуществлявшейся централизованной вертикалью советской командно-административной системы. Однако значительно большую роль в хрущевской реформе и, как следствие, в советской архитектуре и градостроительстве, играла задача смены механизма индустриально-экономического развития страны. В сталинский период главным маховиком развития всех отраслей промышленности являлся военно-промышленный комплекс. Именно он выступал «заказчиком» технического перевооружения непосредственно связанных с ним отраслей гражданской промышленности и, как следствие всей системы народного хозяйства.

Реформа Н.С. Хрущева кардинально изменяла этот механизм, в сердцевину раскрутки состояния народного хозяйства помещая мирную сферу деятельности – строительство (во всех его проявлениях: промышленное, энергетическое, транспортное и проч.)

К чему стремилась общегосударственная система массового типового строительства? – спрашивают авторы [1]. Прежде всего, к максимальному упрощению процедуры перемещения по территории страны нужного количества трудовых ресурсов в нужном направлении; с последующей привязкой их за счет паспортов и прописки к местам труда и формирование мало-мальски приемлемого обустройства их повседневного существования.

Чем оперировала данная система? [1] Она оперировала всеми теми представлениями и действиями, которые укладывались в описанную выше модель. Она беспощадно искореняла все, что этой модели не соответствовало. Например, советская власть с первых дней овладения страной начала бороться с частной собственностью на недвижимость. Так первыми же декретами была осуществлена отмена частной собственности на землю – основу независимого существования

автономного жилища – «субъектного» жилища, если пользоваться терминологией Е.А. Репиной и Д.И. Рыбаковой [1]. Автономный обособленный жилой дом на своей земле в корне противоречил охарактеризованной выше установке советской власти на кардинальное изменение «субъекта» развития общества – замены «гражданина» на «трудо-бытовой коллектив», тем, что обеспечивал относительно независимое от власти решение людьми жилищных проблем, самостоятельный выбор ими характера трудовой деятельности, самостоятельное возделыванием на собственном клочке земли сада и огорода в целях прокормления себя и своей семьи. Качество «дома как особой территориальной приверженности» [1] являлось особенно нетерпимым в рамках организационно-управленческой доктрины большевиков.

Поэтому автономное, «субъектное» жилище было заменено в рамках советской жилищной политики [2, 7] на специфический тип «коммунальное жилище» – стандартизированное, унифицированное, типовое, предназначенное для концентрированного размещения членов трудо-бытовых коллективов. Из него были целенаправленно исключены все «капиталистические» функции семьи и соответствующие помещения, прежде характерные для нормального индивидуального жилища:

- а) начальное домашнее образование (домашняя библиотека),
- б) индивидуальные интеллектуальные занятия в целях саморазвития (кабинет),
- в) приготовление еды (кухня)
- г) семейное принятие пищи (столовая);
- д) досуг, встречи с друзьями, гостями (гостиная);
- е) личная гигиена (туалет и ванна) и пр.

Этот процесс маскировочно прикрывался идеологической пропагандой «нового образа жизни», призванного заменить старый – «мелкобуржуазный» быт на новый. Все прочие функции, присущие городскому образу жизни, трудящиеся должны были получать по месту работы: личная гигиена (душ и бани на производстве), культурные мероприятия (коллективные походы в театр, на выставки и демонстрации), клубные формы досуга, спорт, обрядность (замена венчания на комсомольские свадьбы, дореволюционных крестин на советские «звездины» и «октябрины» и т.п.) и пр. Подобное в еще большей степени привязывало население к производству, а внедренный в качестве замены приватного,

личного пространства обитания новый – коммунальный (покомнатно-посемейный) тип жилища, тотально превращал человека из субъекта потребления личного пространства в «придаток к заводу».

Официальная советская жилищная политика противостояла праву людей иметь в городах в частной собственности благоустроенное, капитальное жилище усадебного типа с прилегающим к нему участком земли. Она законодательно исключала возможность получения права проживать в своем доме на своей земле [6], но предоставляла, как описано выше, во временное индивидуальное пользование высшему партийному и советскому руководству особую привилегию – обладание специальной категорией домовладения – отдельно стоящими коттеджами для одной семьи.

Тезис авторов о том, что «послевоенная индустриализация послужила причиной массового заселения городского пространства» [1] также требует своего доказательства. Скорее, правильнее говорить о «перераспределении населения по территориально увеличившемуся городскому пространству». Дело в том, что хрущевская реформа выносила массовое строительство типовой многоэтажной благоустроенной застройки на периферию городской территории. Потому что первые же практические мероприятия по возведению новостроек на месте сносимого ветхого малоэтажного жилья (нахаловок, ведомственных барачных поселков, двухэтажных деревянных 8- и 16-квартирных домов и проч.), продемонстрировали свою экономическую неэффективность. Ибо затраты по сносу, инженерному оборудованию и благоустройству территории, несмотря на более высокую плотность новой застройки, значительно удорожали стоимость строительства и уменьшали требуемый плановыми органами прирост новой жилой площади. Замена старого на новое «съедала» более четверти возводимого жилого фонда.

Госстрой СССР констатировал в начале 1960-х гг., что значительно более выгодно разворачивать строительство микрорайонов: поточно-конвейерное, с инженерным оборудованием территории, с одновременным возведением всего комплекса объектов социально-бытового и культурного обслуживания, с полномасштабным озеленением и благоустройством. Таким образом, город территориально рос значительно быстрее, нежели численность населения в нем.

Вывод авторов о том, что «советская архитектура середины XX века являлась следствием «политической стихийности» [1], оказывается совершенно некорректным. Резкие и неожиданные для внешнего наблюдателя изменения направленности советской архитектуры не являлись следствием стихийности. Они осуществлялись всегда в результате длительной проработки вопросов во многих инстанциях, имевших отношение к принятию партийно-правительственных решений. А воплощались в форме резкого нажима власти. История принудительных изменений, которые претерпевала профессия архитектора в СССР, заставляет утверждать прямо противоположное тому, что формулируют авторы: советская архитектура середины XX века являлась следствием «политической стабильности» тоталитарного режима, благодаря чему власть и получала возможность осуществлять принудительные изменения целеполагания для масс государственных служащих, именовавшихся «архитекторами», обеспечивая за счет законодательного, идеологического, психологического давления на них требуемую согласованность продуктов их производственной деятельности в рамках проектных коллективов.

Ответы на главные для авторов статьи вопросы: можно ли сказать, что типовая архитектура вне субъекта и как субъекту жить во внесубъектной архитектуре [1] – чрезвычайно просты, если их формулировать на историческом материале жилищной и градостроительной реформы Н.С. Хрущева. Итак, типовая архитектура всегда вне субъекта! Она и становится типовой (и даже однотипной), стандартизированной, унифицированной – лишь потому что сформирована в соответствии с стандартизированным, унифицированным прототипом потребителя. А ответ на вопрос каково это – жить во «внесубъектной» архитектуре [1], лучше всего извлечь из воспоминаний тех новоселов, кто пережил ощущение счастья, обретя, после многих лет обитания в бараке на 80-120 человек или в коммуналке, отдельную благоустроенную квартиру с собственной ванной, теплым туалетом, кухней... Исключительно для своей семьи. Получение подобного «внесубъектного» жилища, было подлинной социально-бытовой революцией, в ходе которой миллионы людей впервые обнаружили, что «вынужденное объединение в квартире нескольких семей – это не естественная организация домашнего хозяйства, а ненормальное вмешательство в структуру быта семьи» [8]. И понимание этого

исторического явления не столь уж и далекого советского прошлого никакими параллелями не связано с философскими рассуждениями об отсутствии или наличии «уединения» в типичном средневековом европейском доме или с особенностями «арианизации Индостана» [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Репина Е.А., Рыбакова Д.И.* Человек и микрорайон: проблематика // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 70-71. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.9

2. *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы) – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. – 303 с. – (История сталинизма).

3. *Меерович М.Г.* От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917- первая половина 1930-х гг.): Дисс. на соиск. уч. ст. докт. арх. Нижний Новгород, 2016 – 926 с.

4. *Меерович М.Г.* Расселенческая доктрина России: сегодня и сто лет назад: монография / М.Г. Меерович. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014 – 227 с.

5. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – 272 с.

6. *Меерович М.Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.): Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Иркутск, 2004 – 659 с.

7. *Меерович М.Г.* Типология жилища соцгородов-новостроек: монография / М.Г. Меерович. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014 – 263 с.

8. *Хан-Магомедов С.О.* Хрущевский утилитаризм. Плюсы и минусы // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с., с. 107-134., С. 117.

9. РГАЭ. Ф. 339. Оп. 3. Т. 2. Д. 351. Л. 340–341 [Цит. по: Десятилетие оттепели. Архивные документы и публикации (составитель Ю. Л. Косенкова) // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с., С. 402–477. Из доклада начальника технического отдела Госстроя СССР Н. П. Смирнова «О качестве жилищного строительства в Москве», 1956 г. с. 440-441. С. 441].